

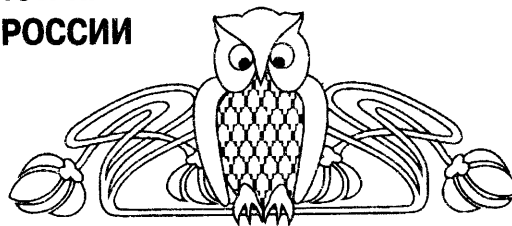

УДК 32.130.3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: ie57@yandex.ru

В статье рассматриваются современные тенденции теоретического анализа результатов российских демократических реформ, связанные с осмыслением значения глобализации как нового контекста политических процессов. Исследуется опыт поиска отечественными политологами новых эталонов для оценки результативности демократических реформ в России.

Theoretical Innovations in Modern Criticism of Democratic Transformations in Russia

N.N. Filatov

The paper observes modern trends in the theoretical analysis of the Russian democratic reform results related to the researchers' judgement of the importance of globalization as a new context of political processes. The experience of the domestic politologists' search for new evaluation standards of the democratic reform productivity in Russia is investigated.

В последние несколько лет критика демократических перемен в России обнаруживает новую тенденцию – таких публикаций еще немного. Но на них имеет смысл обратить внимание, потому что речь, возможно, идет о перспективе достаточно радикального обновления того теоретического ракурса, в котором осуществляется критика, и о совершенно новой продуктивности такой критики. Предлагается совершенно иной, непривычный для отечественной аналитики последних двух десятилетий, подход к конструированию «эталона», на сравнении с которым реалий демократической жизни России строится вся их многовекторная научная критика. Этот подход обнаруживается не только в исследованиях отечественных специалистов, но и в переводных публикациях иностранных аналитиков, что само по себе вписывает новацию в перспективную парадигму развития социально-политических наук в мире.

Современная критика российской демократии сформировалась как результат сочетания веры общества в идеалы либеральной демократии, в преобразующую силу демократических законов и одновременно – шока от последствий демократических реформ – сравнивались ее успехи и просчеты с неким эталоном. В качестве такового обычно выступали идеализированные суждения о законах функционирования либеральной демократии и рынка на «Западе», либо не менее обобщенные и идеализированные воспоминания о советской си-

стеме. В силу идеалистичности ни тот, ни другой не могли получить объективного доминирования в качестве основания критики. Либеральный идеал доминировал благодаря субъективной ориентации многих исследователей на ценности либеральной демократии даже тогда, когда практика внедрения этих принципов вызывала у них возражения. Такой эталон, был, несомненно, продуктивен¹, так как позволял восполнить пустоту в спектре теоретических представлений о логике и цели демократических преобразований, увязать их с опытом развитых демократий Запада.

Показательно в этом смысле мнение известного отечественного историка А.С. Ахиезера, выведившего логику идеализации либерализма из потребности осмыслить парадигму «традиционализм-либерализм». «Чем отличается либерализм от традиционализма? – писал он, – Очевидно тем, что в основе последнего лежит представление о ценности, неизменности жизни, о ценности того, что можно сформулировать как идею «хотим жить, как жили наши деды». Этот идеал требует возврата к мифологическому идеалу, предстающему в сознании людей как некое воплощение утраченного общества благоденствия. Либерализм как тип культуры, сложившийся в истории, нацеливает на развитие и наращивание ценности изменений. Это прежде всего ценность саморазвития личности, это ценность свободы, но свободы – не как некоторого состояния, а как процесса развития свободы, ее наращивания. <...> В России же такого понимания свободы пока нет»². Идеализация либерализма здесь построена на не вполне корректном с научной точки зрения отождествлении традиционализма с ретроградностью, но потребность отечественного интеллектуального сообщества в идеале выражена предельно ясно.

И сегодня такой подход к формированию эталона сохраняется, об этом свидетельствуют теоретические работы по проблематике гражданского общества и правового государства. В них перспективы достижения Россией этих рубежей непосредственно связываются с эталонами, созданными усилиями зарубежной и отечественной политической, правовой и экономической мысли в XIX и XX веках.

Иной подход обнаруживается в работах исследователей, которые учитывают изменения,

внесенные глобализацией в культурную, экономическую и политическую жизнь «старых» демократических обществ, а также тех, которые, подобно российскому, все еще находятся в фазе незавершенных демократических преобразований и не имеют четких представлений о перспективе их завершения. При этом глобализация, как правило, осмысливается как тотальная реальность, которая, независимо от идеологических или научно-теоретических пристрастий исследователя, объективно требует коррекции ракурса критики, изменения ее предмета и метода, новых смысловых и терминологических акцентов.

Здесь можно сослаться на мнение известного отечественного философа Л.Г. Ионина, который еще в 1998 г. в одной из своих публикаций противопоставлял в этом плане последствия традиционного участия России в геополитике и перспективы ее вхождения в глобализационные процессы. Противопоставление он основывал на принципиальном различии этих двух контекстов политических преобразований на государственном уровне: «Геополитический расклад предполагает наличие нескольких качественно различных центров мира, которые могут бороться между собой, защищая или «экспандируя» свою качественность. Это многополярный образ мира. Глобалистский расклад предполагает один центр, или, точнее отсутствие центра как такового. Формальные суверенитеты существуют, существуют национальные правительства, национальные границы и т.п., но, по сути дела, территориальность этих суверенитетов <...> не играет никакой роли. Центр мира везде и нигде. Разумеется, это идеально-типические образы геополитического будущего, как оно предполагается в рамках консервативной и либерально-демократической идеологий»³.

Возможно, свою роль играет и представление, что проблемно все, что хоть как-то отклоняется от эталона. В крайнем варианте это рождает оригинальные, но непродуктивные, очевидно, для исследовательской работы суждения, подобные тому, которое сформулировал А.С. Ахиезер: «Коммунистами была предложена в начале XX в. альтернатива, только она абсолютно не функциональна. Они предложили «Советы» – старый вечевой институт, способный функционировать лишь в узком кругу лично знающих друг друга людей. Поэтому реально советы ни одного дня не работали. Между тем советская власть у нас 74 года сидела. Как это понять? 74 года советской власти, которой вообще НЕ БЫЛО»⁴. «Не было» потому, что реально только то, что соответствует идеальной схеме, сконструированной наукой, например, на основании несоответствия идеалу общественного самоуправления. Советам отказывается в генетической связи со структурами общинного и цехового (артельного) самоуправления XIX–XX вв., и за неимением масштабного аналога они «привязываются» прямо к вымершим

тысячу лет назад вечевым институтам, несмотря на то, что в работах В.И. Ленина задача создания советского строя прямо и неоднократно формулируется как задача создания «государства типа Парижской Коммуны».

В роли эталона, на сравнении с которым строится оценка достижений или просчетов российских реформ, выступает сегодня практический экономический, политический и культурный опыт стран дальнего и ближнего зарубежья, в разное время переживших или переживающих сегодня демократический транзит. В то же время делается оговорка, что заимствуемые опыт и идеалы необходимы для российских трансформаций, но не органичны для российской динамики цивилизационного процесса. ««Русская традиционная культура, вступившая в диалог, перестает быть русской традиционной культурой, которая по природе своей монологична, – пишет И.Г. Яковенко – Можно говорить об отдельной российской цивилизации, и я утверждаю, что эта цивилизация в своем имманентном качестве к динамике не способна, она может развиваться экстенсивно. Но это означает всего-навсего, что ей еще предстоит очень глубокие изменения структурного характера»⁵.

Российский опыт, осмысленный теоретически, обладает совершенно иным качеством, нежели эталон, построенный на основе идеализированных представлений о демократии. Он, скорее, выглядит как максимально объективированная и лишенная оценочности характеристика той «ошибки», смысл которой очевиден всякому «умному» человеку (или обществу), и на которой «умный» всегда учится, а «неумный» повторяет.

Можно вести дискуссию относительно того, как точнее квалифицировать свойства эталона, вести ли речь об «идеализации» западного опыта политического общежития и рыночного хозяйствования или о чем-то другом. Например, В.А. Шупер утверждает, что: «Дело не в том, что мы идеализируем Запад, а в том, что мы слишком «рационализируем» его»⁶. Российский исследователь развивает концепцию «восстания масс» Х. Ортега-и-Гассета: массовое сознание в условиях нарастающей глобализации и информатизации становится главной детерминантой поведения демократических институтов Запада, а движения массового сознания по природе своей иррациональны, они преимущественно представляют собой реакции на предрассудки, страхи, мнимые и реальные угрозы. Возможно, что такая квалификация эталонов западного демократического опыта и более справедлива. Но такая интерпретация не опровергает того факта, что устойчивый эталон представлял собой теоретическую абстракцию, лишь относительно связанную с реальностью.

Представляет интерес особая позиция некоторых отечественных аналитиков, например, статья В.А. Красильщикова, посвященная довольно подробному анализу концептуальной и событийной

сторон демократических и рыночных реформ последнего столетия в странах Латинской Америки⁷. В качестве эпиграфа к статье использованы слова Ф.Э. Кордозу: «Бразилия – это тропическая Россия». В первых строках своей публикации В.А. Красильщиков объясняет, что весь его анализ направлен против произвольно конструируемого и произвольно используемого в политических целях идеально-типического представления о латиноамериканской модернизации. «В этих и подобных им сравнениях, – пишет автор, – чувствуется и вполне обоснованный скепсис по поводу происходящего в России, и одновременно – пренебрежительное отношение к странам латинской Америки, которые ассоциируются лишь с вопиющими социальными пороками, нищетой народа, отсталостью и зависимостью от Запада. Между тем для сравнения России со странами Латинской Америки есть более серьезные основания, нежели сходство по многим статистическим показателям, будь то валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, индекс человеческого развития, средняя ожидаемая продолжительность жизни и т.д. И прежде чем пускаться в рассуждения о “латиноамериканизации” России, безусловно, не слишком приятные для уязвленного российского сознания, стоит посмотреть на то общее, что сближает ее с рядом латиноамериканских стран; в первую очередь в плане качества социально-экономического развития и известного сходства исторических судеб, особенно за последние 20–30 лет»⁸. Из методологического раздела публикации можно понять, что представляет собой авторский теоретический эталон, используемый для сравнительного анализа. Основанием для сравнения в цивилизационном масштабе выступает факт включенности разных стран в разные «эшелоны модернизации». Сама идея «догоняющего» развития как стимула и способа модернизации, к которой апеллирует автор, вызывает много возражений у отечественных аналитиков, как минимум, со второй половины XIX в., со времени появления публицистических исследований Н.Я. Данилевского. Однако в данном случае важна не логичность самой этой идеи, а то, что она позволяет В.А. Красильщикову свести разрозненные объекты изучения в одном теоретическом поле, не прибегая к идеализации какого-либо из этих объектов и рассматривая их как вполне самодостаточные величины.

«Рассуждая о правомерности сравнений между Россией и странами Латинской Америки, – утверждает В.А. Красильщиков, – следует отметить, что исторически наиболее крупные и (или) развитые страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Чили, Венесуэла), как и Россия, относились ко второму эшелону мирового капиталистического развития (модернизации). В странах, которые принадлежали к первому эшелону капитализма (это большинство стран Западной Европы, США и Канада), социальные,

экономические, технические, духовные, правовые, политические предпосылки капиталистического развития складывались постепенно, вырастая из “структур повседневности” <...> а само это развитие было самоподдерживающимся процессом <...> В странах же второго эшелона такие предпосылки формировались с историческим опозданием и крайне неравномерно, а их действие блокировалось сохранявшимися докапиталистическими социально-экономическими отношениями <...> Так складывалась *центро-периферическая структура мир-экономики*, в которой страны первого эшелона капитализма составляли центр, ядро системы, а вокруг простиралась зависимая от него и отсталая периферия»⁹.

Из общего хода рассуждений автора видно, что употребление им оценочного противопоставления «развитый – отсталый» не связано с его идеализацией модели капиталистического развития стран первого эшелона. Напротив, он весьма критичен в характеристике экономической, продвинутой Западу, прямым следствием которой стала отсталость второго эшелона. Например, успех Запада в развитии производства предметов роскоши и желанием элит стран второго эшелона, включая Россию, эти предметы потреблять В.А. Красильщиков непосредственно увязывает (в форме гипотезы) заметное ужесточение российского крепостничества в XVIII в. В статье два исторических опыта сопоставлены не как «идеал» и «ошибка», а, скорее, как две взаимообусловленные ошибки, преодолеть которые можно также только на уровне понимания их взаимообусловленности.

В исследовании В.А. Красильщикова не отрицается специфика цивилизационного развития России. В частности, тяготение России к Западу как центру цивилизационного прогресса он склонен связывать с «имперской моделью модернизации», с тем, что, на первый взгляд, является идеально-типической конструкцией. Однако в отечественной политической науке вот уже два века идут дискуссии о природе российской «имперскости», в ходе которых большинство исследователей сходится в одном – идеализация и эталон имперского опыта какой-либо страны или группы стран невозможны, самое ценное в этом опыте это именно его вариативность и специфика, то, что позволяет рассматривать любую империю как творческий вклад самых разных народов в копилку опыта мировой цивилизации. В современных условиях, когда научное сообщество трактует глобализацию как многолинейное развитие к оптимальному (или, наоборот, не оптимальному) состоянию, такой ракурс обладает большей теоретической продуктивностью, нежели идеально-типическая модель «империи».

Тот же подход обнаруживается и в отношении автора к либерально-демократическому эталону «гражданского общества». В тех случаях, когда реальность сравнивается с идеальным эталоном

гражданского общества западноевропейского образца, исследователи обычно выстраивают свои рассуждения в русле парадигмы «наличие прав и свобод – отсутствие прав и свобод». В исследовании В.А. Красильщикова «права и свободы» предстают не наличными или отсутствующими параметрами, а предпосылками формирования перманентного социокультурного конфликта, из которого находят выход все политические сообщества, но выходы все разные. «В социокультурном плане и Россию, и страны Ибероамерики, а также отчасти и Испанию с Португалией, – при всех несомненных различиях между ними – объединяет то, что и тут, и там шла постоянная внутренняя борьба между двумя взглядами на мир и место человека в этом мире – индивидуалистическим, антропоцентричным, ставящим в центр человека, личность, и социоцентричным, общинным, ставящим во главу угла общество и государство»¹⁰.

Характеристики развития социально-политических систем России и латиноамериканских стран конструктивно аналогичны: «К концу 1970-х гг. и Советский Союз, и страны Латинской Америки вовсе теряют динамизм развития. В 1980-е гг. оба региона, ранее добившись на пути догоняющего развития немалых успехов, попадают в ситуацию, которую можно назвать *модернизационной ловушкой*»¹¹.

Интересна в плане проблематики, рассматриваемой в данной статье, характеристика «модернизационной ловушки», данная В.А. Красильщиковым, потому что она представляет собой демонстрацию познавательных возможностей того метода критики советского опыта и российских демократических перемен, который он использовал и позволяющий ему не апеллировать к заведомо недостижимым эталонам «западной» гражданственности, рыночности и правовой упорядоченности. Уместно будет воспроизвести только ключевые, на наш взгляд, характеристики. «Как известно, сложившаяся в СССР система <...> заблокировала развертывание научно-технической революции <...> При этом и в странах Латинской Америки, и в СССР недооценивалась роль человеческого капитала. Их экономика оставалась *экономикой дешевого человека* <...> В обстановке демократических перемен ответом на глубокий структурный и системный кризис 1980-х гг. как в странах Латинской Америки, так и в России стал переход к неолиберализму в экономике. Весьма примечательно, что в ряде латиноамериканских стран, как и в бывшем СССР, поборниками неолиберализма в немалой степени оказались выходцы из тех организаций (доминантных партий), которые незадолго до этого отстаивали принципы этатизма»¹². И далее на основании сопоставления и систематизации мотивов принятия обществами неолиберальной концепции модернизации автор заключает: «Ни в России к моменту распада СССР, ни в странах Латинской Америки не было достаточно мощ-

ных социальных сил <...> которые бы приняли неолиберализм *по тем же* мотивам, по каким его приняли в развитых странах Запада»¹³.

Наиболее ярким выражением той тенденции в критике демократических и рыночных преобразований в современной России, о которой мы ведем речь, можно считать опыты по составлению сценариев и прогнозированию политических процессов в России, предпринимавшиеся различными творческими коллективами российских специалистов. Совместная работа специалистов с изначально различными методологическими и порой идеологическими установками на восприятие политического и правового опыта изначально исключает возможность сопоставления реальности с каким-либо универсальным идеалом. Это невозможно даже в случае, если все члены творческого коллектива оптимистично (или пессимистично) настроены в отношении перспективы изучаемых политических процессов.

Показательно в этом смысле исследование, относительно недавно завершённое коллективом саратовских политологов в рамках Института межрегиональных исследований в общественных науках¹⁴. Сценарии будущего России, предложенные этими исследователями, основаны на анализе материалов экспертных опросов и результатах проведения фокус-групп. Стратегическая цель развития российских трансформаций и перспектива такого развития соотносены с рядом фактических тенденций в динамике массового сознания российских граждан, источник которых лежит в повседневных социальных практиках, а не в плоскости тех или иных, например, идеологических предпочтений, то есть предпочтений в пользу теоретического идеала развития. В результате проведенного исследования авторы одного из сценариев («Сценарий «Proto-Democracy in the Future». Умеренно-оптимистичный») пришли к выводу, что имеет место активное вытеснение из массового сознания идеально-типических конструктов типа либерализма и коммунизма, прежде определявших политическое участие граждан и видение ими перспектив реформ. Эталоны, служившие прежде ориентирами политического мышления и поведения, замещаются «безразличным» отношением к политике (по определению авторов), на деле это сложный спектр осознанных и эмоциональных реакций на политическую действительность. Следуя логике этого анализа, можно прийти к выводу, что применение таких эталонов непродуктивно. Продуктивнее, что и делают авторы указанного исследования, согласовывать структуру и характер аналитической процедуры со свойствами того, очень подвижного, «эталонного» представления о политике, которое постоянно воспроизводится массовым сознанием. Оно, однако, утрачивает свойства эталона в обычном понимании, поскольку становится самостоятельным объектом критики.

Таким образом, если в прежнем порядке критической процедуры эталон оказывался вне критики (его следовало воспринимать как абсолютную ценность, как инструмент, а не объект анализа), то на современном этапе эталон делается из самих объектов критики, но эталон предельно подвижный, столь же ситуативный, как и различные трактовки глобализационных процессов.

По-видимому, для критического отношения к процедурам использованию эталона в качестве способа познания реальности в модернизирующемся обществе есть и прагматический мотив. Теоретическое знание эталона рождает стремление следовать ему и на практике, а часто превращается в имитацию. А как справедливо заметил отечественный политолог и историк И.М. Клямкин, «при имитационной демократии может накапливаться как протест против имитации, так и против того, что имитируется, то есть против самой демократии»¹⁵. Заметим, что сравнительные исследования и у нас в стране, и за рубежом имеют давнюю традицию и достаточно отработанную методологию, поэтому можно предположить, что анализируемая нами тенденция получит свое развитие. Но в данном случае сравнение имеет специфическую цель, отличную от той которую обычно преследуют компаративные процедуры. Не ставится задача поиска общих характеристик, которые можно было бы затем свести в модель и экстраполировать ее на другие изучаемые системы, использовать как идеально-типический эталон. В данном случае подчеркивается уникальность каждого образчика социально-политического опыта как одного из многих вариантов «ошибок», между которыми политическим субъектам предлагается выбирать для определения стратегии и тактики своего поведения в глобализующемся сообществе цивилизаций.

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.М. Суханов

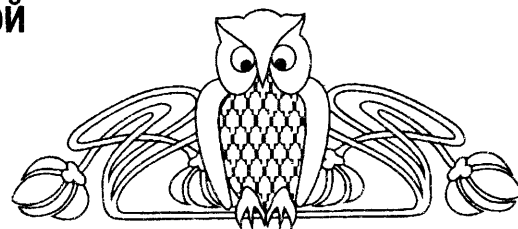
Башкирский государственный университет
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

Статья посвящена различным аспектам политической идентичности, отраженным в научных исследованиях в постсоветской России. На основе рассмотрения значительного пласта литературы, выделены отдельные направления исследования проблем политической идентичности, даны оценки достигнутых результатов, выделены наиболее перспективные сюжеты дальнейшего анализа.

© В.М. Суханов, 2008

Примечания

- ¹ Результативность обращения отечественных исследователей к западному демократическому опыту, представленному в виде эталона, подробно представлена в монографии и докторской диссертации И.В. Андроновой (См.: Андропова И.В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России. Саратов, 2004. С. 41–60).
- ² Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 88.
- ³ *Ионин Л.Г.* Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 34–43, 41.
- ⁴ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 98.
- ⁵ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 89.
- ⁶ *Шупер В.А.* Восстание цивилизованных масс: чего ждать России от Запада // *Мир России*. Серия: Социология. Этнология. М., 2001. № 1. С. 25–34, 26
- ⁷ *Красильщиков В.А.* Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // *Мир России*. Сер. Социология. Этнология. М., 2002. № 1. С. 57–96.
- ⁸ Там же. С. 58.
- ⁹ Там же. С. 58–59.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ Там же. С. 67.
- ¹² Там же. С. 68–69.
- ¹³ Там же. С. 71.
- ¹⁴ *Политическое будущее России: взгляд из региона*. Саратов, 2007.
- ¹⁵ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Обществ. науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 100.

Problems of Social and Political Identity in the Social-Science Literature in Modern Russia

V.M. Sukhanov

The paper is devoted to various aspects of political identity reflected in scientific papers in the post-Soviet Russia. On the basis of